

Посвящается Ричарду и Джулии Рутерфорд-Мур

...Много смертельных сражений было сыграно, много людей погибло, много церквей было разграблено, а душ — загублено, многие девушки были лишены девственности, достойные жены и вдовы — обесчещены; много городов, поместий и домов было сожжено, а на дорогах совершались грабежи и зверства и устраивались засады. И из-за всего этого правосудие не действовало. Христианская вера увяла, торговля сошла на нет, а за войнами последовало много прочего зла и ужаса, которые не описать и не перечислить.

Иоанн II, король Франции, 1360 г.

Слово «арлекин», вероятно, происходит от старофранцузского *hellequin* — «отряд всадников дьявола».

Часть первая

БРЕТАНЬ

Стояла зима. С моря дул холодный утренний ветер, принося с собой неприятный запах соли и плевки дождя. Если дождь не перестанет, то он неизбежно ослабит силу тетивы.

— Это бессмысленная трата времени, и больше ничего, — сказал Джейк.

Никто не обратил на него внимания.

— Можно было остаться в Бресте, — снова проворчал он. — Сидели бы себе у огня и пили пиво.

И снова ему никто не ответил.

— Забавное название города, — после долгого молчания проговорил Сэм. — Брест¹. Впрочем, мне нравится. — Он взглянул на стрелков и высказал предположение: — Может быть, снова увидим Черную Пташку?

— Хорошо бы она сделала нам одолжение и пригвоздила тебе язык стрелой, — проворчал Уилл Скит.

Черной Пташкой прозвали женщину, сражавшуюся на стенах города при каждом штурме. Она была молода, темноволоса, носила черный плащ и стреляла из арбалета. Во время первого штурма, когда стрелки Уилла Скита были в авангарде и потеряли четверых, они оказались достаточно близко, чтобы хорошо рассмотреть Черную Пташку, и все их мысли были теперь заняты ее красотой. Впрочем, после неудачной зимней кампании, холода, голода и грязи почти любая женщина казалась красавицей. Но все-таки в Черной Пташке было что-то особенное.

— Она не сама заряжает арбалет, — сказал Сэм, не тронутый суровостью Скита.

— Ну конечно, черт возьми! — отозвался Джейк. — Еще не родилась женщина, которая могла бы взвести арбалет.

— Сонная Мэри могла бы, — возразил кто-то. — У нее мускулы как у быка.

¹ Звучит как английское breast — «грудь». (Здесь и далее примеч. перев.)

— И она зажмуривается, когда стреляет, — сказал Сэм, по-прежнему говоря о Черной Пташке. — Я заметил.

— А все потому, что не занимаешься своим делом, черт возьми! — прорычал Уилл Скит. — Так что заткни пасть, Сэм.

Сэм был самым молодым в отряде Скита. Он заявил, что ему семнадцать, хотя не был в этом уверен, так как потерял счет своим годам. Сын торговца мануфактурой, Сэм обладал лицом херувима, русыми кудрями и черным, как смертный грех, сердцем. Впрочем, стрелял он хорошо, иначе бы не служил у Уилла Скита.

— Ладно, ребята, — проговорил командир, — готовьесь.

Он увидел шевеление в лагере позади. Враг скоро тоже заметит это, церковные колокола забьют набат, и на городские стены высыпят защитники с арбалетами. Арбалеты выпустят стрелы в нападающих, и задача Скита сегодня — попытаться проредить арбалетчиков на стене своими выстрелами. Как же, угрюмо подумал он. Защитники скрючатся за бойницами, не давая его стрелкам прицелиться, и, разумеется, этот штурм кончится неудачей, как и пять предыдущих.

Вообще вся кампания была сплошной неудачей. Уильям Богун, граф Нортгемптонский, возглавлявший это небольшое войско, начал зимнюю экспедицию в надежде захватить крепость в Северной Бретани, но штурм Каре закончился унижительным поражением, защитники Гингама смеялись над англичанами, а стены Ланьона выдерживали все атаки. Удалось захватить Трегье, но, поскольку он не имел стен, его взятие было не таким уж большим достижением и там было не закрепиться. Теперь же, в суровый конец года, войско графа не нашло ничего лучшего, как подойти к этому городишке, представлявшему собой просто деревню со стенами. Но даже это жалкое поселение бросило войску вызов. Граф устраивал штурм за штурмом, и все их отбивали. Англичан встречал шквал арбалетных стрел, штурмовые лестницы отбрасывались от стен, и с каждой неудачей атакующих защитники все больше воодушевлялись.

— Как называется это чертово место? — спросил Скит.

— Ла-Рош-Дерьен, — ответил высокий лучник.

— Все-то ты знаешь, Том, — сказал Скит.

— Верно, Уилл, — мрачно проговорил тот, — совершенно верно.

Остальные стрелки рассмеялись.

— Если ты так чертовски много знаешь, скажи мне еще раз, как называется этот проклятый городишко.

— Ла-Рош-Дерьен.

— Дурацкое название, — проговорил Скит.

Это был седой узколицый мужчина. Он сражался уже тридцать лет. Скит пришел из Йоркшира и начал свою карьеру стрелком, сра-

жаясь против шотландцев. Ему везло, он был ловок и потому захватил много добычи, пережил много битв и поднимался по службе, пока не разбогател настолько, чтобы набрать собственный отряд. Теперь он возглавлял семьдесят латников и столько же стрелков, которых предоставил графу Нортгемптонскому. Поэтому сейчас он и скрючился за сырым забором в ста пятидесяти шагах от стены города, название которого не мог запомнить. Его латники остались в лагере, получив день отдыха после предыдущего неудачного штурма. Уилл Скит терпеть не мог неудач.

— Ла-Рош что? — спросил он Томаса.

— Дерьен.

— И что это может значить?

— Честно говоря, не знаю.

— Всеблагой Христос, — с насмешливым удивлением проговорил Скит, — оказывается, он не все знает.

— По звучанию похоже на *derrière*, что означает «задница», — добавил Томас. — Можно перевести как «скала-задница».

Скит открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут первый церковный колокол в городе забил набат. Колокол был разбит и звучал глухо. Но через несколько секунд добавили звона другие церкви, и сырой ветер наполнился металлическим гулом. Этот шум был встречен приглушенным ревом английских штурмовых частей, которые вышли из лагеря и топали по дороге к южным городским воротам. Передние тащили лестницы, остальные шли с мечами и топорами. Штурм, как и прежние, возглавлял граф Нортгемптонский, выделяющийся среди остальных своими пластинчатыми доспехами, которые наполовину прикрывал плащ, украшенный графским гербом со львами и звездами.

— Вы знаете, что делать! — проревел Скит.

Стрелки встали, подняли луки и стали стрелять. На стене целей для них не было, поскольку защитники укрылись за парапетом. Стук стальных наконечников по камню не давал им высовываться. Стрелы с белым оперением свистели на лету. Два других отряда стрелков добавляли своих стрел, многие пускали их высоко в воздух, чтобы они падали вертикально на стену. Скиту казалось невозможным, что под этим градом оперенной стали сможет уцелеть хоть кто-то. Но как только штурмовые колонны графа оказались в ста шагах от укрепления, со стены полетели стрелы из арбалетов.

Рядом с воротами была брешь, проделанная катапульгой — единственной осадной машиной, оставшейся в приличном состоянии. Брешь была убогая, поскольку огромные камни снесли только верхнюю треть стены, и горожане заполнили пробоину бревнами и тря-

пьем. Но все же это было слабое место, и люди с лестницами с криками устремились туда под градом стрел. Они спотыкались, падали, ползли и умирали, но достаточное число добралось до цели, и по приравленным к полуразрушенной стене лестницам первые латники полезли наверх. Лучники стреляли изо всех сил, засыпая верх стены стрелами, но там появился щит, который тут же подперли двумя десятками жердей, и из-за него арбалетчик открыл стрельбу по лестницам, убив того, кто карабкался первым. Появился еще один щит, и еще один арбалетчик открыл стрельбу. На стену притащили огромный горшок и опрокинули его. Вниз хлынула дымящаяся жидкость, и атакующие закричали от боли. Защитники скатывали со стены валуны, а их арбалеты непрерывно щелкали.

— Ближе! — кричал Скит.

Его стрелки продрались через кусты и побежали ко рву, до которого теперь оставалось меньше ста шагов. Там они снова натянули свои длинные луки и стали посылать стрелы в бойницы. Нескольких защитников удалось убить, поскольку им пришлось высунуться, чтобы стрелять вниз, в солдат, столпившихся с лестницами у стены с брешью.

Томас вздернул левую руку, меняя цель, и, разогнув пальцы правой, послал стрелу в грудь высунувшемуся из бойницы человеку. Того прикрывал щитом товарищ, но щит на мгновение сместился, и стрела Томаса попала в узкий промежуток. За ней мгновенно последовали еще две, и сердце защитника перестало биться. Однако другим удалось опрокинуть лестницу.

— Святой Георгий! — кричали англичане.

Но святой, должно быть, спал, поскольку не оказал нападающим никакой помощи.

Со стены покатались новые валуны, потом на англичан обрушилась черная лава горящей соломы. Кто-то сумел забраться на стену, но тут же получил удар топором, который пробил его шлем и расколол череп надвое. Солдат упал на перекладыны, загородив путь поднимавшимся сзади, и граф попытался оттащить его, но сам получил удар камнем по голове и рухнул к подножию лестницы. Два графских латника отнесли оглушенного графа в лагерь, и с его отбытием нападающие совсем упали духом. Они больше не кричали. Стрелы все еще летели, и люди еще пытались взобраться на стену, но защитники почувствовали, что уже отбили этот шестой штурм. Их арбалеты разили безжалостно. И тогда на башне над воротами Томас увидел Черную Пташку. Он нацелил стальной наконечник стрелы ей в грудь, чуть приподнял лук и изо всей силы пустил стрелу. Слишком хороша, чтобы убивать, сказал он себе и понял, что это глупо. Жен-

щина выстрелила и скрылась. Полдюжины стрел застучали по башне, где она только что стояла, но Томас заметил, что все шесть стрелков дали ей выстрелить, прежде чем выпустили стрелы.

— Черт поберит! — воскликнул Скит.

Штурм не удался, и латники отступали под градом арбалетных стрел. У бреши оставалась лишь одна лестница с застрявшим в верхних ступенях солдатом.

— Назад! — закричал Скит. — Назад!

Стрелки побежали, и, пока они не пробрались сквозь кусты и не укрылись в канаве, вслед им неслись стрелы из арбалетов. Защитники ликовали, а двое с башни над воротами показывали побитым англичанам голую задницу.

— Ублюдки, — прорычал Скит. — Ублюдки! — Он не привык к неудачам. — Ведь где-то, черт возьми, должен быть путь внутрь!

Томас снял с лука тетиву и спрятал под шлем.

— Я же говорил тебе, как попасть внутрь, — сказал он Скиту.

Тот долго не отрывал глаз от юноши.

— Мы уже пытались, парень.

— Я добрался до частокола, Уилл. Говорю тебе, я сделал это. Я пробрался внутрь.

— Тогда расскажи снова, — потребовал Скит, и Томас повторил.

Скорчившись в канаве под насмешки защитников Ла-Рош-Деръена, он рассказал Скиту, как прорваться в город, и Скит слушал, потому что йоркширец научился доверять Томасу из Хуктона.

Томас пробыл в Бретани уже три года. Хотя это была и не Франция, но захвативший ее герцог постоянно приводил на смерть все новых французов, и Томас обнаружил в себе призвание к убийству. И дело тут было не в его искусстве стрелка — в войске было полно таких и горстка получше, — но он обнаружил, что способен предугадывать действия противника. Он умел наблюдать за врагами, следить за ними, замечать, куда они смотрят, и довольно часто предчувствовал их движение и был готов встретить его стрелой. Это напоминало игру, но такую, где он знал правила, а враг — нет.

И это помогло завоевать доверие Уильяма Скита. Когда они впервые встретились у тюрьмы в Дорчестере, где йоркширец испытывал пару десятков воров и убийц в мастерстве стрельбы из лука, у Скита не возникло желания взять Томаса. Ему требовались новобранцы, а король нуждался в лучниках, и люди, которым светила виселица, получали прощение, если соглашались пойти на войну. Так что добрая половина отряда Скита состояла из таких каналий. А Томас, по заключению старого солдата, никогда бы не вписался в такую компанию. Взяв правую руку юноши, он увидел мозоли на указатель-

ном и среднем пальцах, что выдавало лучника, но потом похлопал его по мягкой ладони.

— Чем занимаешься? — спросил он тогда.

— Мой отец хотел, чтобы я стал священником.

— Священником, да? — презрительно переспросил Скит. — Что ж, я думаю, ты мог бы помолиться за нас.

— Я могу убивать за вас.

В конце концов Скит позволил Томасу вступить в отряд, и не в последнюю очередь потому, что у того был свой конь. Сначала командир принял Томаса из Хуктона всего лишь за еще одного неотесанного олуха, ищущего приключений, — смышленного олуха, конечно, — но в Бретани Томас отдался жизни стрелка со всем рвением. Истинной целью гражданской войны был грабеж, и день за днем люди Скита скакали по дорогам в края, которые выразили верность сторонникам герцога Карла, сжигали крестьянские хозяйства, отбирали урожай и угоняли скот. Господин, чьи крестьяне не платят оброк, не может нанять солдат, и потому латники Скита и его конные стрелки налетали на вражеские земли, как чума. Томасу нравилась такая жизнь. Он был молод, его задачей было не только сражаться с врагами, но и разорять их. Он поджигал фермы, отравлял колодцы, отбирал посевное зерно, ломал плуги, сжигал мельницы, обдирал фруктовые сады и жил на свою добычу. Люди Скита хозяйничали в Бретани, как чертово наказание, и франкоговорящие крестьяне на востоке герцогства прозвали их «эллекин», что означало «всадники дьявола». Иногда вражеские отряды пытались поймать их. Тогда Томас узнал, что английский стрелок с большим боевым луком — король в таких стычках. Противник ненавидел лучников. Если врагу попадался английский лучник, его непременно убивали. Латника могли взять в плен, за командира могли получить выкуп, но лучников всегда убивали. Сначала пытали, а потом убивали.

Томас преуспел в такой жизни, и Скит понял, что парень умен, хотя это не помешало ему уснуть как-то раз ночью, когда он стоял на часах. И при свете дня Скит выбил из него этот грех.

— Ты был в стельку пьян! — обвинил он Томаса и крепко вздул парня, используя свои здоровенные кулаки наподобие кузнечных молотов.

Он перебил Томасу нос, сломал ребро и назвал его куском сатанинского дерьма, но парень продолжал ухмыляться, и через шесть месяцев Уилл Скит сделал Томаса винтенаром — старшим над двадцатью другими лучниками.

Почти все из этих двадцати были старше Томаса, но никто как будто не возражал против его назначения, так как все видели, что он

не такой, как они. Большинство стрелков коротко стригли волосы, а Томас отрастил их и перевязывал тетивой, так что они пышной черной гривой ниспадали до пояса. Он чисто брился и одевался только в черное. Такая манерность могла бы вызвать неприязнь в отряде, но Томас был трудолюбив, смышлен и щедр. Впрочем, он оставался странным. Все стрелки носили талисманы — дешевый металлический медальон с изображением какого-нибудь святого или высушенную заячью лапку. Томас повесил на шею высушенную лапу собаки, которую называл рукой святого Гинфорта, и никто не смел спорить с ним, поскольку он был самым образованным в отряде — говорил по-французски, как дворянин, и знал латынь, как священник. Стрелки Скита упорно гордились им как своим лучшим достижением. Через три года после вступления в отряд Томас стал у Скита одним из главных лучников. Скит даже порой советовался с ним, хотя редко следовал его советам; а Томас со своим кривым носом продолжал носить собачью лапу и нагло скалиться.

И вот теперь у него возникла идея, как проникнуть в Ла-Рош-Дерен.

В тот же день, когда мертвый латник с расколотым черепом все еще продолжал висеть на брошенной лестнице, сэра Саймон Джекилл направил коня к городу. Там он стал развезжать туда-сюда у торчащей из земли маленькой арбалетной стрелы с черным оперением, обозначавшей самую дальнюю точку поражения оружием защитников. Его оруженосец, тупой парень с разинутым ртом и вылупленными глазами, издали наблюдал за господином. Оруженосец держал копьё сэра Саймона. Если кто-нибудь из городских солдат принял бы наглый вызов, каким и являлось издевательское присутствие сэра Саймона под стенами, оруженосец дал бы господину копьё. Два всадника устроили бы на лужайке бой, пока кто-то из них не уступит. Но этот кто-то был бы не сэра Саймон, поскольку он был одним из искуснейших рыцарей в войске графа Нортгемптонского.

И самым бедным.

Его боевому коню стукнуло десять лет, он плохо слушался узды и имел прогнутую спину. Седло с высокими луками, крепко державшее всадника, раньше принадлежало его отцу, а кольчуга, стальная рубаха, укрывавшая тело от шеи до колен, досталась от деда. Его тяжелый меч, выкованный больше ста лет назад, зазубрился, копьё покривилось от сырой зимней погоды, а висевший на передней луке шлем представлял собой старый стальной котелок с потертой кожаной подкладкой. Щит с гербом в виде кулака в стальной перчатке, сжимающего булаву, был потрепан и потерял цвет. Латные рукави-

цы сэра Саймона, как и остальные доспехи, заржавели — оттого-то у оруженосца и краснело распухшее ухо, а лицо выражало испуг. Впрочем, оруженосец был не виноват. Сэр Саймон не мог себе позволить купить уксуса и мелкого песка, которыми чистят сталь. Он был беден.

Беден, озлоблен и честолюбив.

И доблестен.

Никто не отрицал его доблести. Он выиграл турнир в Тьюксбери и получил кошелек с сорока фунтами. В Глостере наградой за победу стали изящные доспехи. В Челмсфорде призом были пятнадцать фунтов и прекрасное седло, а в Кентербери он чуть не зарубил на смерть француза и получил золоченый кубок с монетами. И куда теперь делись все эти трофеи? Попали в руки ростовщиков, законников и торговцев, наложивших арест на имущество сэра Саймона в Беркшире, которое он унаследовал два года назад. Но на самом деле его наследство состояло из одних долгов, и как только сэр Саймон схоронил отца, его тут же окружили ростовщики, как свора гончих — раненого оленя.

«Женись на богатой наследнице», — посоветовала ему мать и вывела, как на параде, дюжину женщин сыну на смотрины. Но сэр Саймон решил, что его жена должна быть красавицей под стать ему самому. А уж он-то был красавцем. И знал это. Он смотрел в зеркало своей матери и любовался отражением. У него были густые белокурые волосы и широкое лицо с короткой бородкой. В Честере, где он за четыре минуты выбил из седла трех рыцарей, люди приняли его за короля, который был известен тем, что анонимно принимал участие в турнирах. Сэр Саймон не собирался дарить свои царственные взгляды какой-нибудь сморщенной карге только потому, что у нее водились деньги. Он женится на женщине, достойной его. Но амбиции не оплатят долгов, и потому сэр Саймон, чтобы защититься от кредиторов, обратился за охранным письмом к королю Эдуарду III. Это письмо ограждало рыцаря от всех юридических процессов, пока он служит королю в заморской войне. И когда сэр Саймон пересек Ла-Манш, взяв с собой из заложенного поместья шестерых латников, дюжину стрелков и разиню-оруженосца, то оставил своих кредиторов в Англии с носом. Он также увез с собой уверенность, что скоро захватит в плен какого-нибудь французского или бретонского вельможу, выкупа за которого хватит, чтобы выплатить все долги. Но пока что зимняя кампания не принесла ни одного более-менее высокопоставленного пленника и дала так мало добычи, что войско сидело на половинном пайке. А скольких благородных пленников можно взять в жалком городишке вроде Ла-Рош-Дерьена? Это была настоящая дыра.

И все же сэр Саймон разъезжал под стенами в надежде, что какой-нибудь рыцарь примет вызов и выедет из южных ворот города, выдержавшего шесть английских штурмов. Но вместо этого защитники насмеялись над ним и называли трусом за то, что он оставался вне досягаемости для их арбалетов. Эти оскорбления уязвили гордость сэра Саймона, и он подъехал ближе. Тут же под копытами его коня начали позвякивать упавшие стрелы. Защитники стреляли в него, но стрелы падали рядом. Теперь настал его черед смеяться.

— Да он просто болван, — сказал Джейк, наблюдавший из английского лагеря. Джейк был одним из негодяев Скита, убийцей, которого тот спас от виселицы в Эксетере. Он косил и тем не менее умудрялся стрелять точнее многих. — Ну что он вытворяет?

Сэр Саймон придержал коня и остановился перед воротами, так что наблюдавшие издали солдаты подумали, что, может быть, кто-то из французов собрался ответить на вызов английского рыцаря. Но вместо этого на башенке над воротами показался одинокий арбалетчик, который знаком пригласил сэра Саймона подойти ближе.

Только дурень попался бы на этот вызов, но сэр Саймон послушно двинулся вперед. Ему было двадцать пять лет, он был озлоблен и храбр. Решив, что его высокомерная беспечность поколеблет уверенность осажденного гарнизона и воодушевит упавших духом англичан, он пришпорил коня и погнал его на ту часть поля, где английские атаки захлебывались в крови под градом французских стрел. Никто из арбалетчиков не стрелял. Всего одна фигура стояла на башне над воротами. Сэр Саймон, подъехав на сто ярдов, понял, что это Черная Пташка.

Впервые сэр Саймон увидел женщину, которую все стрелки звали Черной Пташкой. Он был достаточно близко, чтобы разглядеть, что она действительно прекрасна. Женщина стояла выпрямившись, высокая и стройная, закутавшись в плащ от зимнего ветра, но ее черные волосы были распущены, как у молодой девушки. Черная Пташка насмешливо поклонилась рыцарю, и сэр Саймон ответил ей, неловко согнувшись в седле. Потом он увидел, как она подняла арбалет и приложила к плечу.

«Когда мы войдем в город, — подумал сэр Саймон, — я заставлю тебя заплатить за это. Ты упадешь на задницу, Черная Пташка, а я буду сверху». Он остановил коня. Одинокий всадник в зоне французской бойни. Он подзадоривал женщину прицелиться получше, зная, что ничего у нее не выйдет. А когда она промахнется, он насмешливо отсалюует, и французы воспримут это как дурное предзнаменование.

А что, если попадет?

Сэра Саймона так и подмывало снять с луки седла неуклюжий шлем, но он не поддался этому искушению. Он сам спровоцировал Черную Пташку на выстрел и не спасует перед женщиной. Поэтому он ждал, пока она прицелится. Защитники города смотрели на нее и, несомненно, молились. А может, делали ставки.

«Давай, сука», — пробормотал про себя сэра Саймон. Было холодно, но на лбу у него выступила испарина.

Женщина помедлила, откинула черные волосы с лица, потом положила арбалет на бойницу и снова прицелилась. Сэр Саймон держал голову высоко и смотрел прямо. «Всего лишь женщина, — говорил он себе. — Наверное, не попадет в повозку с пяти шагов». Его конь задрожал, и сэра Саймон похлопал его по шее.

— Скоро пойдешь, парень, — сказал рыцарь.

Под взглядами двух десятков защитников Черная Пташка зажмурилась и выстрелила.

Сэр Саймон увидел маленькое черное пятнышко летящей стрелы на фоне серого неба и серых каменных колоколен за стенами Ла-Рош-Дерьена.

Он знал, что стрела пройдет мимо. Знал абсолютно точно. Это всего лишь женщина, бога ради! И потому не двинулся, увидев, как пятнышко мчится прямо в него. Он не мог поверить в это. Он ждал, что стрела скользнет влево или вправо или воткнется в замерзшую землю. Но она летела прямо ему в грудь. В самое последнее мгновение сэра Саймон рывком поднял тяжелый щит и пригнулся. Левой рукой он ощутил мощный удар — стрела попала в цель и отбросила его на заднюю луку седла. Она ударила в щит с такой силой, что пробила ивовые доски и ее конец прошел сквозь кольчужный рукав, углубляясь в предплечье. Французы радостно закричали, а сэра Саймон, понимая, что другие арбалетчики захотят закончить начатое Черной Пташкой, прижал колено к боку своего коня. Тот послушно развернулся и повиновался шпорам.

— Я жив, — вслух проговорил рыцарь, словно это могло заставить стихнуть улюлюканье французов.

Чертова сука! Он бы достойно отплатил ей, так отплатил, что она бы завизжала. И сэра Саймон придержал коня, чтобы не возникло впечатления, будто он удирает.

Через час, когда оруженосец перевязал ему руку, доблестный рыцарь убедил себя, что одержал победу. Он бросил вызов и остался жив. Это была демонстрация мужества, и он выжил и потому, шагая к шатру командующего, графа Нортгемптонского, считал себя героем и рассчитывал на соответствующий прием. Шатер был сделан из двух парусов, полотно пожелтело, износилось и было густо покры-

то заплатами после многолетней службы на море. Приют был убогим. Уильям Богун, граф Нортгемптонский, презирал всякую помпезность, хотя и приходился двоюродным братом королю и был богат, как никто в Англии.

Граф и сам выглядел таким же заплатанным и поношенным, как его шатер. Это был приземистый коренастый человек с лицом, похожим, как говорили, на бычью задницу. Но лицо это отражало графскую душу — грубую, храбрую и прямую. Солдаты любили Уильяма Богуна, графа Нортгемптонского, потому что он был таким же грубым, как и они сами. Сэр Саймон нырнул в шатер.

Русые волосы графа наполовину скрывала повязка. Сброшенный со стены Ла-Рош-Дерьена камень пробил ему шлем, который острым стальным краем поранил голову. Граф кисло приветствовал сэра Саймона:

— Жизнь надоела?

— Глупая сука зажмуривается, когда спускает крючок! — ответил тот, не обращая внимания на тон графа.

— И все же стреляет метко, — злобно ответил граф, — и этим поднимает боевой дух ублюдков. А их и без того не нужно воодушевлять, видит бог.

— Но я жив, милорд, — весело заметил сэр Саймон. — Она хотела меня убить. И не вышло. Медведь цел, а собаки остались голодными!

Он ожидал поздравлений от окружения графа, но советники отвели глаза. Рыцарь принял их подавленное молчание за зависть.

«Этот сэр Саймон — чертов болван», — подумал граф и пожегил ся.

Он бы не так возражал против холода, если бы войско праздновало победу, но уже два месяца англичане и их бретонские союзники испытывали сплошные неудачи и выставляли себя посмешищем, а шесть штурмов Ла-Рош-Дерьена усугубляли несчастья. И теперь граф созвал военный совет, предлагая решительную атаку в тот же вечер. Все предыдущие штурмы начинались до полудня. Возможно, внезапная атака в меркнущем свете зимнего солнца застанет защитников врасплох. Однако даже такое малое преимущество, как внезапность, было подпорчено, поскольку безрассудная выходка сэра Саймона придала горожанам уверенности, а среди командиров графа, собравшихся под пожелтевшей парусиной, царило уныние.

Четверо из них были рыцари, подобно сэру Саймону приведшие на войну собственных солдат, но остальные — наемники, платившие своим людям за службу графу. Трое бретонцев с белыми горностаевыми гербами герцога Бретонского возглавляли солдат, верных герцогу Монфору, а остальные были английские командиры, все низко-

го рода, загрузившие на войне. Здесь был и Уильям Скит, а рядом с ним Тотсгем, начавший свою карьеру как простой солдат, а теперь возглавлявший сто сорок латников и девяносто стрелков на службе у графа. Оба никогда не участвовали в турнирах, да их бы никогда и не пригласили, но оба были богаче сэра Саймона, и это его раздражало. «Мои боевые псы» — так граф Нортгемптонский звал наемных командиров, и он любил их; впрочем, граф имел странное пристрастие к компании черни. Уильям Богун, хотя и приходился двоюродным братом королю, с радостью пил с людьми вроде Скита и Тотсгема, ел с ними, говорил по-английски, охотился с ними и доверял им. Сэр Саймон чувствовал себя исключенным из дружеского круга. Если кто-нибудь в войске должен был быть близок к графу — то только он, сэр Саймон, знаменитый победитель турниров. Но граф Нортгемптонский предпочитал валяться в канаве с чернью вроде Скита.

— Как там дождь? — спросил граф.

— Снова начинается, — ответил сэр Саймон, подняв голову к потолку шатра, по которому барабанили капли.

— Все ясно, — угрюмо проговорил Скит.

Он редко называл графа «милорд» и обращался к нему как к равному, что, к удивлению сэра Саймона, вроде бы нравилось графу.

— И это только цветочки, — сказал граф, выглянув из шатра и впустив облако сырости и холода. — Тетивы луков растянутся от влаги.

— Как и арбалетов, — вмешался Ричард Тотсгем и добавил: — Ублюдки.

Больше всего в английских неудачах раздражало то обстоятельство, что защитники Ла-Рош-Дерьена были не солдаты, а простые горожане — рыбаки и лодочники, плотники и каменщики, и среди них воевала даже женщина — Черная Пташка!

— Дождь может перестать, — продолжил Тотсгем, — но земля останется скользкой. Под стенами будет плохая опора.

— Давайте не пойдем сегодня, — предложил Уилл Скит. — Пусть мои парни завтра утром пройдут по реке.

Граф потрогал рану на голове. Целую неделю он штурмовал южную стену Ла-Рош-Дерьена и по-прежнему верил, что его люди могут взять эту крепость, но все же ощущал среди своих боевых псов уныние. Еще одна неудача, еще два-три десятка убитых, и дух в войске совсем упадет, так что придется тащиться назад в Финистер несолоно хлебавши.

— Повтори-ка снова, что ты сказал, — проговорил он.

Скит кожаным рукавом вытер нос.

— Три дня назад мы уже пытались, — возразил один из рыцарей.

— Вы пробовали пройти вниз по реке, — ответил Скит, — а я хочу пойти вверх по реке.

— Там такие же колья, как и внизу, — сказал граф.

— Неплотные, — возразил Скит, и кто-то из бретонских командиров перевел разговор своим товарищам. — Один из моих парней вытащил такой кол и пришел к заключению, что полдюжины других не устоят или сломаются. Они из старых дубовых стволов, а не из вяза и совсем прогнили.

— Насколько глубока там грязь? — спросил граф.

— По колено.

С запада, юга и востока Ла-Рош-Дерьен окружала стена, а с севера город защищала река Жоди, и в тех местах, где полукруг стены сходилась с рекой, горожане установили в грязи частокол, чтобы преградить доступ в город во время отлива. Скит предполагал, что через прогнившие колья можно пробраться, но когда люди графа пытались сделать это у восточной стены, они завязли в грязи и горожане расстреляли их из арбалетов. Побоище было страшным — хуже, чем перед южными воротами.

— Но на берегу тоже стена, — заметил граф.

— Да, — признал Скит, — но эти тупые ублюдки кое-где сломали ее и устроили причалы. Один такой прямо у гнилых кольев.

— Так что твоим людям нужно всего лишь убрать колья и взобраться на причалы — на виду у защитников? — скептически спросил граф.

— Они справятся, — твердо заявил Скит.

Граф все еще считал, что лучший шанс на успех — это подвести стрелков к южным воротам и молиться, чтобы их стрелы держали защитников в укрытии, пока графские латники штурмуют брешь. Правда, он признавал, что такой план сегодня провалился, как и накануне. И еще граф знал, что в запасе у них всего лишь несколько дней. У него осталось меньше трех тысяч солдат, треть из них — больные. Если он не найдет им приюта, то придется, поджав хвост, идти обратно, на запад. Нет, ему нужен город — любой, даже такой, как Ла-Рош-Дерьен.

Уилл Скит увидел на лице графа тревогу.

— Мой парень вчера ночью был в пятнадцати шагах от причала, — заявил он. — Он бы мог проникнуть в город и открыть ворота.

— Почему же не открыл? — не удержался от вопроса сэр Саймон. — Христовы мощи! Я был бы уже внутри!

— Вы не стрелок, — хмуро проговорил Скит и перекрестился.

В Гингаме один из его стрелков попал в плен к горожанам. Они раздели ненавистного лучника и прямо на стене разрезали на куски,

чтобы осаждавшие могли видеть его муки. Сначала ему отрубили указательный и средний пальцы на правой руке, потом мужское достоинство, и стрелок, истекая кровью на крепостной стене, кричал, как кастрированный поросенок.

Граф знаком приказал слуге наполнить кубки подогретым пряным вином.

— Возглавишь атаку, Уилл?

— Не я, — сказал Скит. — Я слишком стар, чтобы пробираться через вязкую грязь. Я предоставлю это тому парню, который прошлой ночью прошел вдоль кольев и пробрался внутрь. Он хороший парень, поверьте. Смышленный убудок, но чудак. Готовился стать священником, вот так, а встретил меня и опомнился.

Графу явно понравилась эта идея. Он поиграл рукоятью меча, потом кивнул.

— Пожалуй, нам надо встретиться с твоим смышленным убудком. Он неподалеку?

— Я оставил его у входа, — сказал Скит и повернулся на табурете. — Том, скотина! Заходи!

Томас, пригнувшись, шагнул в графский шатер, и командиры увидели высокого, длинноногого, худого парня, одетого во все черное, не считая кольчуги и вышитого на камзоле красного креста. Все английские войска носили такой крест святого Георгия, чтобы в рукопашном бою отличать, кто свой, а кто чужой. Парень поклонился графу, и тот вспомнил, что уже видел этого стрелка. Да и неудивительно, ведь Томас обладал запоминающейся внешностью. Его черные волосы были заплетены в косу и перевязаны тетивой. У него был длинный кривой нос, вероятно сломанный, чисто выбритый подбородок и настороженные, умные глаза, хотя, возможно, самым замечательным в нем была его опрятность. Да еще этот огромный лук на плече — длиннее, чем было принято, и не только длинный, но выкрашенный в черное. На передней стороне лука виднелась странная серебряная пластина словно бы с выгравированным гербом. «В этом видно тщеславие, — подумал граф, — тщеславие и гордыня». А он одобрял и то и другое.

— Для человека, прошлой ночью увязшего по колено в грязи, — с улыбкой проговорил он, — ты на удивление чистый.

— Я вымылся, милорд.

— Не подхвати лихорадку! — предостерег его граф. — Как тебя зовут?

— Томас из Хуктона, милорд.

— Ну так расскажи мне, Томас из Хуктона, что ты выяснил вчера ночью.

Томас рассказал то же, что и Уилл Скит. В темноте, когда прилив спал, он забрался в грязь у берега Жоди. Там он обнаружил частокол, запущенный, прогнивший и расшатанный, вытащил один кол, протиснулся через щель и сделал несколько шагов по направлению к ближайшему причалу.

— Я был достаточно близко, милорд, чтобы услышать, как поет какая-то женщина.

Женщина пела песню, которую пела ему мать, когда он был маленьким, и его поразило это совпадение.

Когда Томас закончил, граф нахмурился — не потому, что ему что-то не понравилось в рассказе стрелка. Его беспокоила рана на голове, лишившая его сознания на целый час.

— Что же ты делал на реке ночью? — спросил граф, в основном чтобы дать себе время подумать.

Томас ничего не ответил.

— Чья-то чужая баба, — ответил за него Скит, — вот что он там делал, милорд. Чужая баба.

Собравшиеся расхохотались — все, кроме сэра Саймона Джекилла, который угрюмо смотрел на покрасневшего Томаса. Этот ублюдок был простым стрелком и тем не менее носил кольчугу получше, чем мог себе позволить сэр Саймон! И в нем была самоуверенность, от него разило наглостью. Сэра Саймона передернуло. Жизнь таила в себе несправедливость, которой он не мог понять. Стрелки из захолустья нахлпали себе коней, оружия и доспехов, в то время как он, победитель турниров, сумел заполучить лишь пару сапог. Его так и подмывало сбить спесь с этого долговязого невозмутимого стрелка.

— Один бдительный часовой, милорд, — обратился сэр Саймон к графу на нормандском французском, так что лишь немногие благородные господа поняли бы его, — и этот парень умрет, а наша атака завязнет в речной грязи.

Томас бросил на сэра Саймона спокойный взгляд, оскорбительно невозмутимый, и ответил на беглом французском:

— Нам следует напасть в темноте. — Затем снова повернулся к графу. — Завтра перед рассветом уровень воды будет невысоким, милорд.

Граф удивленно посмотрел на него:

— Откуда ты знаешь французский?

— От моего отца, милорд.

— Мы его знаем?

— Сомневаюсь, милорд.

Граф не стал развивать эту тему, а закусил губу и потер рукоять меча — такова была его привычка, когда он размышлял.

— Прекрасно, если вы проникнете внутрь, — проворчал Ричард Тотсгем, сидевший на скамеечке доярки рядом с Уиллом Скитом. Тотсгем привел самый большой отряд наемников и, соответственно, имел наибольший авторитет среди командиров. — Но что вы будете делать, оказавшись в городе?

Томас кивнул, словно ожидал этого вопроса:

— Сомневаюсь, что нам удастся добраться до ворот, но если я смогу поместить пару десятков стрелков на стену у реки, они прикроют ее, пока другие приставляют лестницы.

— А у меня есть две лестницы, — кивнул Скит. — Их можно установить.

Граф продолжал потирать рукоять меча.

— Раньше, когда мы пытались напасть с реки, то вязли в грязи. И там, где вы пойдете, она будет такая же глубокая.

— Мостки, милорд, — сказал Томас. — Я нашел кое-что на ферме.

Это были части ивового плетня, из которых можно быстро соорудить загон для овец — или же мостки, чтобы пройти по грязи.

— Я говорил вам, что он смышлен, — с гордостью сказал Скит. — Ходил в Оксфорд, верно, Том?

— Когда был слишком молод и не знал ничего получше, — сухо ответил тот.

Граф расхохотался. Ему нравился этот парень, и он понимал, почему Скит так верил в него.

— Завтра утром, Томас?

— Лучше, чем в сумерках вечером, милорд. Вечером они будут еще хорохориться.

Томас бросил ничего не выражающий взгляд на сэра Саймона, намекая, что глупая демонстрация рыцарской бравады лишь раздула пыл защитников.

— Значит, завтра утром, — проговорил граф и обернулся к Тотсгему. — Но сегодня держи своих стрелков поближе к южным воротам. Пусть думают, что мы опять пойдём там. — Он снова посмотрел на Томаса. — Что это за эмблема у тебя на луке, парень?

— Так, нашел кое-что, милорд, — солгал тот, передавая лук в протянутую руку графа.

На самом деле он вырезал серебряный знак из раздавленного кубка, найденного под телом отца, и прикрепил его к передней части лука. Там его левая рука отполировала серебро.

Граф рассмотрел герб:

— Зверь с рогами и клыками? Йейл?

— Не знаю, как зовут эту бестию, милорд, — проговорил Томас, прикинувшись невеждой.

— Мне незнаком этот герб, — сказал граф.

Он попытался согнуть лук и приподнял брови, дивясь его тугости. Потом вернул лук Томасу и отпустил стрелка.

— Бог тебе в помощь завтра утром, Томас из Хуктона.

— Спасибо, милорд, — ответил тот с поклоном.

— С вашего позволения я уйду с ним, — сказал Скит.

Граф кивнул и посмотрел вслед уходящим.

— Если мы проникнем внутрь, — обратился он к оставшимся командирам, — то, ради всего святого, не позволяйте своим людям устраивать грабеж. Не давайте им разгуляться. Я собираюсь удерживать этот город и не хочу, чтобы жители нас ненавидели. Убивайте, когда нужно, но не устраивайте резни. — Он посмотрел на их скептические лица. — Вы будете отвечать за гарнизонную службу, так что облегчите себе задачу. Держите людей в узде.

Командиры хмыкнули, зная, как это трудно — не дать солдатам полностью разграбить город. Но прежде чем кто-то успел ответить, встал сэр Саймон:

— Одна просьба, милорд.

Граф пожал плечами:

— Валяй.

— Вы позволите мне и моим людям возглавить штурмовой отряд с лестницами?

Граф как будто удивился этой просьбе:

— Думаешь, Скит сам не справится?

— Уверен, справится, милорд, — со смирением ягненка ответил сэр Саймон, — и все же прошу такой чести.

«Пусть лучше погибнет сэр Саймон Джекилл, чем Уилл Скит», — подумал граф и кивнул:

— Конечно, конечно.

Командиры ничего не сказали. Какая тут честь — первому взобраться на уже захваченную другими стену? Нет, этот ублюдок ищет не чести, он хочет оказаться в удобной позиции, чтобы захватить самую богатую добычу в городе. Но никто не высказал своих мыслей вслух. Они были командиры, а сэр Саймон — рыцарь, хотя и без гроша за душой.

Весь остаток этого короткого зимнего дня графское войско готовилось к новому штурму города, но так и не начало его, и у жителей Ла-Рош-Дерьена появилась надежда, что их испытания закончились. Но все же они приготовились к отпору на случай, если англичане устроят новую попытку на следующий день. Они пересчитывали арбалетные стрелы, громоздили валуны на стене и подбрасывали дров в костры, на которых кипели горшки с водой для отражения атаки

англичан. «Согрейте мерзавцев!» — говорили городские священники, и горожанам нравилась эта шутка. Они видели, что побеждают, и считали, что испытания скоро завершатся, поскольку у англичан подходит к концу провизия. Ла-Рош-Дерьену оставалось еще немного потерпеть, а потом вознести хвалы и благодарности герцогу Карлу.

В полночь дождик прекратился. Горожане легли спать, но держали оружие наготове. Часовые жгли сторожевые огни и всматривались в темноту.

Стояла холодная зимняя ночь, и у осаждающих оставался последний шанс.

Черная Пташка была крещена как Жанетта Мари Алеви, и когда ей исполнилось пятнадцать, родители взяли ее в Гингам на ежегодный яблочный турнир. Отец ее не был аристократом, и потому семья не могла сидеть в огороженном месте под башней Сен-Лоран. Но они нашли местечко рядом, и Луи Алеви позаботился, чтобы дочь была видна всем, поставив ее кресло на крестьянскую повозку, на которой они приехали из Ла-Рош-Дерьена. Отец Жанетты был пруспевающим шкипером и виноторговцем, хотя его удача в делах не распространялась на остальную жизнь. Один его сын умер от гангрены, порезав палец, а второй утонул во время путешествия в Корунну. Жанетта осталась единственным ребенком.

В поездке в Гингам был расчет. Знатные рыцари Бретани — по крайней мере, те, кто поддерживал союз с Францией, — съехались на турнир. Здесь перед толпой, собравшейся по случаю как ярмарки, так и ежегодных состязаний, они четыре дня подряд показывали свою удаль во владении копьём и мечом. Жанетте все это показалось изрядно скучным, поскольку преамбулы к каждому поединку тянулись долго и зачастую ничего не было слышно. Непрерывной чередой проезжали рыцари, покачивая своими экстравагантными плюмажами, но чуть погода слышался громовой стук копыт, звон металла, крики, и один из рыцарей падал на траву. По обычаю победитель накалывал на копьё яблоко, чтобы преподнести женщине из толпы, которая привлечет его внимание, — потому-то отец и прикатил свою повозку в Гингам. Через четыре дня Жанетта собрала восемнадцать яблок и всю ненависть двух десятков высокородных девиц.

Родители отвезли дочь обратно в Ла-Рош-Дерьен и стали ждать. Они показали свой товар, и теперь дело покупателей — найти дорогу к их роскошному дому у реки Жоди. Спереди домик казался маленьким, но, пройдя под арку, гость оказывался в широком дворе, выходящем на каменный причал, где во время прилива могли пришвартоваться не самые большие суда мсье Алеви. За стеной двора находи-

лась церковь Святого Ренана, а поскольку мсье Алеви давал деньги на строительство церковной колокольни, ему позволили сделать в стене проход, чтобы по пути на мессу его семье не нужно было выходить на улицу. Дом говорил каждому посетителю, что здесь живет богатое семейство, а присутствие приходского священника за ужином давало понять, что это семейство к тому же и благочестиво. Жанетта родилась не для того, чтобы быть игрушкой для аристократов, ей было предназначено стать женой.

Дюжина женихов снизошла до визита в дом Алеви, но только Анри Шенье, граф Арморика, завоевал яблоко. Это была знатная добыча, поскольку граф приходился племянником Карлу Блуаскому, который, в свою очередь, был племянником короля Франции Филиппа. Герцога Карла французы признали правителем Бретани. Герцог позволил Анри Шенье представить свою невесту, но после посоветовал племяннику отказаться от нее. Девушка была купеческой дочкой, чуть выше крестьянского сословия, хотя герцог и признал, что она поистине красавица. Ее черные волосы блестели, лицо оставалось нетронуто оспой, и все зубы были на месте. Она была так грациозна, что один доминиканский монах при дворе герцога, всплеснув руками, заявил, что Жанетта — живой образ Мадонны. Герцог признал ее красавицей, ну и что? Красавиц много. В любой гингамской таверне, сказал он, за два ливра можно найти шлюху, перед которой большинство жен покажутся свиньями. Для жены важна не красота, а богатство.

— Сделай девчонку своей любовницей, — посоветовал он и велел племяннику жениться на богатой наследнице из Пикардии.

Но та была неряхой с поеденным оспой лицом, а красота Жанетты настолько вскружила голову графу Арморике, что он бросил вызов своему дяде.

Граф обвенчался с купеческой дочкой в часовне своего замка в Плабеннеке, расположенном в Финистере, на краю света. Герцог решил, что его племянник наслушался трубадуров. Но граф и его молодая жена были счастливы, и через год после свадьбы, когда Жанетте исполнилось шестнадцать, у них родился сын. Его назвали Шарль, в честь герцога, но если тот и был польщен, то ничем этого не выразил. Он отказался принять Жанетту еще раз и с племянником держался холодно.

Позже в том же году в Бретань пришли английские войска в поддержку Иоанна Монфорского, которого они признали герцогом Бретани. Король Франции послал подкрепление своему племяннику Карлу, которого считал настоящим герцогом. Так началась нешуточная гражданская война. Граф Арморика настоял, чтобы его жена

с младенцем-сыном вернулась в дом своего отца в Ла-Рош-Дерьене, поскольку замок в Плабеннеке был мал, плохо укреплен и слишком близок к неприятельским войскам.

В то лето, как и боялся муж Жанетты, замок пал перед англичанами, а на следующий год король Англии провел кампанию в Бретани, и его войска оттеснили войско Карла, герцога Бретани. Ни одного большого сражения не случилось, но то и дело возникали кровавые стычки, и в одной из них, что разгорелась меж крутых склонов в долине, граф Арморика был ранен. Он поднял забрало, чтобы криком подбодрить своих солдат, и стрела попала ему прямо в рот. Слуги принесли своего господина в дом у реки Жоди, где ему потребовалось пять дней, чтобы умереть, — пять дней непрерывной боли, в течение которых он не мог есть и едва дышал, поскольку рана гноилась и кровь сворачивалась в глотке. Графу Анри шел двадцать девятый год, он был победителем турниров, но перед смертью плакал, как ребенок. Он задыхался, и Жанетта кричала от бессилия, гнева и горя.

Потом для Жанетты наступили черные дни. Она осталась вдовой, а не прошло и шести месяцев после смерти мужа, как стала еще и сиротой — оба родителя умерли от кровавого поноса. Ей было всего восемнадцать, а ее сыну, графу Арморике, два года, но Жанетта унаследовала богатство отца и решила воспользоваться им, чтобы отомстить ненавистным англичанам, убившим ее мужа. Она стала снаряжать два корабля, которые могли бы нападать на английские суда.

Мсье Бела, стряпчий ее отца, советовал не тратить деньги на корабли. Богатство не может оставаться вечно, говорил он, а ничто так не высасывает средства, как снаряжение военных кораблей. Они редко приносят деньги, разве что очень повезет. Лучше, советовал он, использовать корабли для торговли.

— В Ланьоне купцы получают неплохую прибыль на испанском вине, — советовал он. Стояла зима, стряпчий простудился и чихал. — Очень неплохую прибыль, — мечтательно повторил он по-бретонски, хотя оба они могли изъясняться по-французски.

— Мне нужно не испанское вино, — холодно проговорила Жанетта, — а английские души.

— От них никакой прибыли, моя госпожа, — возразил Бела.

Ему было непривычно называть Жанетту «моя госпожа» — ведь он знал ее с детства, и для него она всегда была малышкой Жанеттой. Но девочка вышла замуж и стала вдовой аристократа, и к тому же вдовой с характером.

— Вы не сможете продать английские души, — мягко указал Бела.

— Разве что дьяволу, — ответила Жанетта и перекрестилась. — Но мне не нужно испанское вино, Бела. Мы получаем оброк.

СОДЕРЖАНИЕ

АРЛЕКИН

Перевод М. В. Кононова

Пролог	9
Часть первая. БРЕТАНЬ	29
Часть вторая. НОРМАНДИЯ	164
Часть третья. КРЕСИ	248
Историческая справка	318

СКИТАЛЕЦ

Перевод В. Э. Волковского

Часть первая. СТРЕЛЫ НА ХОЛМЕ	323
Часть вторая. ЗИМНЯЯ ОСАДА	439
Часть третья. ХРАНИТЕЛЬ ЧАШИ ЦАРЯ	552
Историческая справка	678

ЕРЕТИК

Перевод В. Э. Волковского

Пролог	683
Часть первая. ЧЕРТОВА КУКЛА	706
Часть вторая. БЕГЛЕЦ	838
Часть третья. ТЬМА	915
Эпилог. ГРААЛЬ	984
Историческая справка	987